

— Я должен проверить, не сплю ли я!

Тело давно привыкло к подобному обращению. Острая, разрывающая боль постепенно сменилась знакомым, пугающим ощущением. Он крепко зажмурился, тщетно пытаясь подавить в себе те запретные порывы, что волнами поднимались из глубины души. Нефритовые украшения на щиколотках мелодично звенели, а Цзюнь Тяньяо, испытывая жгучий стыд, прокусил губу до крови, лишь бы не поддаться этому чувству.

Мо Янь, разумеется, прекрасно понимал, что у него на уме. Он сжал его подбородок, заставляя открыть рот.

— Разве ты сам не говорил, что подобные вещи — высшее земное наслаждение и ими нужно сполна наслаждаться? Теперь, когда такое благо наконец выпало на твою долю, почему же ты не хочешь в этом раствориться?

Когда всё закончилось, Цзюнь Тяньяо уже был без сознания, а его губы оказались в кровавых ранах. Мо Янь посмотрел вниз: алые пятна крови пропитали простыни. Внезапно вспомнив утренний сон, он ощутил, как из глубины души вновь поднимается страх.

Тяжело вздохнув, он подхватил Цзюнь Тяньяо на руки и вынес из комнаты. Погрузившись в горячий источник, он принялся бережно омыwać его тело. Цзюнь Тяньяо всё ещё дрожал, и Мо Янь крепко прижимал его к себе, поглаживая по спине, чтобы успокоить.

Лишь закончив наносить лекарство, Мо Янь смог наконец перевести дух. В последнее время он стал слишком раздражительным, и он невольно потёр ноющие виски. Обернувшись к столу, он посмотрел на миску с кашей, к которой едва притронулись, и погрузился в раздумья.

Цзюнь Тяньяо, казалось, вовсе не осознавал своего положения пленника и проявлял невероятную привередливость. Когда его только заточили здесь, он выплевывал всё, что бы ни съел. Мо Янь, глядя, как тот с каждым днём становится всё тоньше, был вынужден в буквальном смысле вливать в него кашу изо рта в рот, заставляя проглотить всё до последней капли, прежде чем отпустить.

Позже, когда приступы рвоты прекратились, начались новые капризы. Арахис нужно очистить от шелухи, маш — тщательно разварить, имбирь и чеснок — вынуть, зелёные овощи он не ест вовсе... Мо Янь порой сомневался, уж не Великого ли бессмертного Ло он взял в плен.

В конце концов, потеряв терпение, Мо Янь снова начал кормить его изо рта. Чтобы избежать принуждения, Цзюнь Тяньяо перестал капризничать и съедал всё, что давал Мо Янь, даже если от еды его воротило — он терпел отвращение и глотал. Постепенно он немного поправился.

Мо Янь никогда не любил сладкое, но помнил, что Цзюнь Тяньяо к нему равнодушен, поэтому в этот раз принёс гороховое суфле. Однако тот так и не успел его попробовать.

Молча вздохнув, он придвинул стол ближе к кровати, оставил суфле, а остальную еду унёс. Вместе с тарелкой на столе осталась лежать и та картина.

Когда он вышел из кабинета, небо было затянуто снегом — похоже, он шёл уже давно, и земля успела окраситься в белый цвет. Он взглянул на серое, пасмурное небо, чувствуя внутреннюю пустоту, тихо вздохнул и направился на кухню.

— Господин Мо Янь, что вы здесь делаете? — спросил мастер Мо, увидев его, нерешительно топчущегося на пороге. Заметив поднос в его руках, он добавил: — Ой, а почему каша совсем не тронута? Не по вкусу пришлась?

Мо Янь только хотел ответить, что дело не в этом, как мастер Мо продолжил:

— Такой здоровый мужчина, а не едите — куда это годится? Проголодались, небось? Сейчас я вам горохового суфле дам, перекусите!

Сам он пропустил всего один приём пищи, а тот человек не ел уже целые сутки...

— Господин Мо Янь, о чём задумались? Вот ваше суфле, ешьте скорее! — голос мастера Мо прозвучал совсем рядом.

Мо Янь отогнал лишние мысли и улыбнулся:

— Дядюшка Фэн, разогрейте, пожалуйста, кашу. Я скоро заберу.

Помолчав, он добавил:

— И приготовьте ещё немного сладостей, я заберу всё сразу.

Этого дядюшку Фэна на самом деле звали мастер Мо. Его настоящее имя было Ли Фэн: говорят, отец носил фамилию Ли, а мать — Фэн, и чтобы было проще запомнить, родители так его и нарекли. Позже, попав в поместье Мо, он, согласно правилам, сменил фамилию на Мо. Но Мо Янь из уважения всегда называл его дядюшкой Фэном — в конце концов, никто не хочет носить чужую фамилию. Мо Янь решил, что однажды обязательно предложит Мо Иню отменить это необязательное правило.

Пока мастер Мо готовил еду, Мо Янь смотрел на лежащее на столе суфле. На вид оно казалось совершенно невкусным, но он всё же решил попробовать. Нахмурившись, он с явным отвращением взял кусочек и откусил самую малость. Слишком сладко, совершенно невкусно — непонятно, как это вообще может кому-то нравиться.

Он положил надкушенное суфле обратно на тарелку. В этот момент мастер Мо подал ему

разогретую еду и добавил ещё блюдо с выпечкой. Поблагодарив, он ушёл.

Цзюнь Тяньяо на самом деле очнулся вскоре после ухода Мо Яня — его разбудил голод. Открыв глаза, он увидел, что Мо Янь ушёл, оставив на столе лишь несколько кусочков суфле, отчего голод стал ещё невыносимее. Не обращая внимания на боль, он с трудом приподнялся.

— А-а! — должно быть, раны снова разошлись.

Всё же, преодолевая муки, он медленно спустил ноги с кровати, опираясь на резную спинку, встал и, сделав несколько шагов, обессиленно рухнул на стул. Боль тут же пронзила всё тело, заставляя его сжаться в комок.

Лишь спустя долгое время боль немного утихла, и он смог выпрямиться. Он попытался взять кусочек суфле рукой, но, как ни старался, не смог удержать его. Несколько раз, с огромным трудом подняв лакомство, он ронял его обратно на стол, не донеся до рта.

Неужели он стал настолько беспомощным?

Внутри него вспыхнул гнев, и он с силой смахнул всё со стола. Один кусочек суфле, словно живой, покатился к дверям и остановился у чьих-то ног. Цзюнь Тяньяо поднял голову и увидел Мо Яня, который вернулся с едой. Его глаза невольно испуганно дрогнули.

<http://bllate.org/book/20959/2126302>